

ринат валиуллин

где валяются
поцелуи.
ВЕНЕЦИЯ

Москва
Издательство АСТ

И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяния; и вот, Я истреблю их с земли. Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи. И сделай его так: длина ковчеха триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нём нижнее, второе и третье жильё.

Библия Быт. 6:13–16

Ной сделал все так, как повелел ему Бог. По окончании строительства сказал Бог Ною войти в ковчег со своими, и взять каждой твари по паре, чтобы они остались в живых. И взять всякой пищи, какая необходима себе и животным. После чего ковчег был затворен Богом.

Пролог

Корабль снаряжен и отплывает. Венеция — кусок цивилизации, осколок искусства, комета высокой культуры. Ковчег готов к великому потопу.

Но не успело судно отойти от берега, как неожиданно Венеция начинает уходить под воду. На корабле объявлена тревога. Для спасения своей шкуры люди вынуждены надеть кислородные маски. Что, как не маска, может спасти человека в критической ситуации? Надел, вроде как стал другим и под защитой.

Венеция довольно быстро погрузалась в пучину, в результате суша просела на двадцать три сантиметра. Ной, не ной, а ковчег шел ко дну. Неужели конструктор ошибся, почему же корабль тонет? Может, просто опытное судно? Бог проверяет на вшивость кусок человечества?

Когда все уже были уверены, что от потопа им не уйти, корабль, представлявший собой прекрасный город, с множеством каналов и мостов, вдруг

перестал тонуть. Божьей милостью ли, или Ноя, люди спаслись. Ной объявил великий праздник. Венеция веселилась в честь чудесного спасения, радость эта вылилась в один большой карнавал, в один грандиозный спектакль, где каждой твари нашлось по паре. Арлекин, Коломбина, Педролино, Пульчинелла, Пьеро — артисты комедии дель арте, лучшим из которых был Дзанни. Он способен был в одиночку завести зрителей, выходя на публику неизменно в двугорбой шапочке с огромным длинным носом и в просторном крестьянском балахоне. Фантеска, Фьяметта, Смеральдина, Моретта — служанки, верные и покорные, особенно Моретта, немая как рыба, она молча исполняла волю хозяина, Бригелла — умный слуга, Труффальдино — глупый, Баута — господин, его высочество «смерть», вызывавшая у всех страх и уважение, Джокер — адвокат, Кот — жандарм, который должен был ловить на корабле мышей и жил во Дворце дождей. Кроме прочих в команде были еще скупой рыцарь, ученый, судья и военный. Даже Чумной Доктор, который казался чужаком на этой свадьбе, совал свой длинный клювообразный нос в чужие дела. При этом он помещал в него различные, сначала ароматические масла, а затем и другие вещества — считая, что они предохранят

его от этой чумы. Поверх одежды Доктор носил темный длинный плащ из вощенной материи, из-за чего и походил на зловещую птицу, а длинная трость в его руке позволяла держать дистанцию ото всех прочих. Вольто — гражданин, законопослушный, как и все порядочные граждане. Сам Ной, в окружении Венецианских Дам: Либерти, Валери, Саломеи, Фантазии, устав от веселья, решил совершить прогулку по городу на гондоле.

Белая рубашка гондольера, как флаг независимой прогулки. Только «с воды» и под песни гондольера можно увидеть город в самом выгодном ракурсе. Под широкой улыбкой гондолы проплывают великие дворцы и невеликие дома, в которых венецианцы жили на протяжении столетий. Скоро он споет. А пока арки мостов, звон колоколов, раздающийся из-под куполов церквей, лишь настраивают наш слух, словно камертон.

Наконец, он затянул свою песню. Это была фальшивая итальянская мелодия. Лучше бы он греб молча. В душе у каждого закрипело уключиной: «Я убью тебя, лодочник». Ною пришлось кинуть лодочнику золотую монету, чтобы тот замолк. Вода весело отражала масштабы праздника, увеличивая его в геометрической прогрессии. Тысячи Либерти, Валери, Саломей и Фантазий, взмахивая

подолами юбок, пустились в пляс. Берег танцевал в воде, вспыхивая тут и там гребнем волны. Сумасшествие охватило город.

Его путь шел от Моста босоногих, который находится рядом с железнодорожным вокзалом. В этом районе когда-то жили бедняки, настолько бедные, что были не в состоянии купить себе обувь. В знак солидарности Ной снял свою, перекинул ноги за борт и помочил их в стремнине. Лодочник посмотрел на него с пониманием, даже вспомнил подходящую песню, но снова запеть не рискнул — до моста Вздохов из белого мрамора. Прежде по нему проводили осужденных, и именно отсюда они могли в последний раз увидеть Венецию. По мосту шла группа туристов.

Ной вздохнул, будто представив себя на их месте. Более всего в этой жизни ему не хотелось быть туристом. Вернул на ноги туфли и обреченно посмотрел на Фантазию:

— О чем ты так глубоко задумалась?

— Я думала, что чудес не бывает, — молвила Фантазия.

— Чудес не бывает, но Венеция-то есть.

Венецианский Пантеон, Школа святого Иоанна Евангелиста, старинные защитные сооружения и храмы. Дворы, дворяне, ремесленники, квартал

красных фонарей. Здесь, под масками Джокеров, Котов, Докторов и Венецианских Дам дамы отдавались слугам, а господа любили служанок. Жажда любви или просто жажда. Всем хотелось выпить. Как только гондола вышла в Гранд-канал, Ной взял на абордаж плавучий ресторан. Несколько итальянских реплик, и вот уже Соаве приятно холодит горло. Рядом проплывают многочисленные бары Венеции, куда ходят только местные. Как считают венецианцы — лучшее вино в городе должно принадлежать им, пассажирам этого прекрасного корабля.

Мягкое белое вино вовремя подхватывает мысли и несет их бог знает куда. Он все знает. Соаве — мягкий, сорт вина и винограда из области с одноименным названием, молодое красное вино Бардолино, белые Гамбеллара и Лессини Дурелло. Вечером красное — Вальполичелла, довольно крепкое Супериоре или сухое Амароне. Его теплые бархатистые ноты подхватывает гондольер, и тот снова затягивает свою любимую песню. На этот раз песня ложится как нельзя на душу. Итальянская мелодия — это непередаваемый аромат. Хочется приобрести сразу несколько бутылок, чтобы угостить друзей, оставшихся на земле, но для впечатлений еще не придумана

тара. Придется им довольствоваться десертным Торколато, чтобы ощутить хоть какую-то сладость нашего путешествия. После десертного захмелевшему хозяину вдруг захотелось побыть в шкуре слуги, а даме в роли служанки. Черный плащ и треугольная шляпа, и вот уже никто не разберет, из какого ты сословия и какого полу. Моретта меняется маской с Баутой, а Джокер с Доктором, и пошло-поехало. Скоро было уже абсолютно неизвестно, кто скрывается под маской — Арлекин или Коломбина? Вольто, Кот или Венецианские Дамы?

«Тайная вечеря» Тинторетто. Сыграв ее на колокольне, солнце закатывается, придавая морю цвет муранского стекла. Тут его родина. Все тот же конструктор создал это стекло, чтобы выводить на чистую воду зло. Ною капают в бокал вино из початой бутылки. Стекло трескается. Он улыбается:

— Достаточно было капнуть на муранское чудо яд — как по стеклу начинали идти трещины. Неоценимое достоинство для Венеции, где проживало немало любителей избавляться от врагов с помощью ядов. Главный из которых — скука. Именно скука зачастую и отравляет нашу жизнь.

Ной выливает бокал в канал, словно добавляя масла в огонь праздника. Тот вспыхивает пуще прежнего. Жизнь без яда скучна. При приеме яда главное — не отравиться.

Ресторан на площади Сан-Марко. За белыми скатертями белые люди. Ассорти из итальянских сыров, фуа-гра, оливковые салаты, ризотто с грибами и морепродуктами, рыба сырая, жареная, вареная, национальные супчики, пасти набиты пастой.

Дворец дожей — история города, который когда-то был крепостью, охраняется крылатыми львами — из тех тварей, что по паре взял с собой Ной. Внутри — Пурпурная Комната, где дож встречается с прокураторами, Зал Четырех Дверей, Зал Коллегии и Зал Сената. «Похищение Европы». Глядя на нее, понимаешь, за что после Зевса Европу похищали еще несколько раз. В разные времена на каждую Европу находилась свой Зевс.

«Золотой дом». В середине XIX века, когда на его стенах оставалось еще немного золота, дом приобрел князь Александр Трубецкой и подарил его великой балерине Марии Тальоне. Мисс пуанты. Именно она первой встала на пуанты. Даже ноги ее удивились такому щедрому подарку.

Дожи дожами, а производством масок занимались простые смертные, которых на корабле было достаточно, кто-то должен был делать черную работу. Кто-то должен был делать новые маски, чтобы господа отличались от слуг. Для приближенных Ноя это было идеальным прикрытием, чтобы ходить в народ. Несмотря на веселье, Ной чувствует себя все грустнее на этом празднике жизни, среди множества не людей, а масок. Те свои, которых он взял в ковчег, оказались совсем другими. Твари по паре – так по паре, по паре, они скоро образовали тупую послушную толпу. Ему показалось, что гондола его плывет не по Гранд-каналу, а по реке Стикс.

Проходя вдоль Палаццо Грасси, он вспомнил, что здесь живет призрак – дух усопшей девушки, который иногда разговаривает с людьми. Перекинулся с ней парой ничего не значащих фраз и прочь. У дома кардинала Канторини появляется дух художника Джорджоне, что убил себя из-за несчастной любви. Банально – не хватило красок, чтобы выразить свои чувства. И вот, наконец, склеп в Дорсодуро, который хранит часы настоящей ведьмы. Ной причаливает к берегу, к древнему зданию, где живет колдунья. Она умела заговаривать время. Ходили слухи, что любой, кто

остановит свои часы у ворот ее дома, перестает стареть. Именно она заговорила время на корабле, чтобы тот тонул как можно дольше. В результате потоп был отложен на неопределенное время. Только теперь Ной понял, почему его тянуло именно сюда, именно в этот дом. Глядя на этот пир во время чумы, Ною захотелось отменить свой заказ, но время уже невозможно было повернуть вспять. Потоп так и не состоялся, а корабль стал музеем, в котором до сих пор не умолкает маскарад.

— Ну что, неплохо, неплохо. Страшно красивая сказка. Великий потоп. Венеция — Ноев ковчег. Ной — капитан. Я бы даже сказал — гениально, — хлопнул в ладоши несколько раз, подтверждая свои слова, солидный мужчина в темных очках. — Да только где же нам взять столько денег? По твоим задумкам, это тянет на «Титаник», не меньше. В отличие от твоей фантазии бюджет нашего фильма ограничен. Я хочу сделать романтическую историю, которую можно было бы ощутить на кончиках пальцев, понюхать и потрогать, которая своей простотой могла бы зацепить любого. Легкостью. Понимаешь? Чтобы не тонула.

— Понимаю, про любовь? — несколько расстроенным голосом молвил ассистент.

— Про Венецию, конечно, тоже, в первую очередь. В общем-то, любовь и Венеция — это синонимы в некотором роде. Ты согласен?

— В каком роде? — все еще не таяло его недовольство.

— В женском. Ведь что такое любовь? Любовь — это борьба независимых чувств за зависимость от кого-то. Давай займемся любовью, — улыбнулись темные очки.

— Ладно, как скажешь, — отпустило ассистента. И он рассмеялся.

— Отлично, без маски тебе гораздо лучше, — рассмеялся в ответ режиссер. — Как закончишь, позвони мне. Любовь не терпит отсрочек. И помни, что мне нужна страсть. Знаешь, что такое страсть? Страсть — это когда не ищешь стул, чтобы сложить одежду.

— Да понял я, понял.

— Кстати, а про часы, которые надо просто остановить, это правда?

— Говорят. Проверим? Если тебе часы не жалко.

— Время жалко, часы — нет, — потер запястье режиссер. — Упс, опять часы дома оставил. Думаешь, это мое личное время? Нет, это мы ему принадлежим.

— Как говорится, счастливые часов не наблюдают.

— Они живут мгновениями. Вот добрались до истины. Вот что мне нужно, чтобы зрители вышли из кинотеатра счастливыми.